

НЕРУССКИЙ ЧЕХОВ

Режиссер Сергей Яшин умеет раскладывать костры

Независимая газета, - 2000, - 31 окт. - с. 7

В пятницу и субботу в Театре имени Гоголя прошла премьера пьесы Теннесси Уильямса «Записная книжка Тригорина», где американский драматург предпринял попытку «переписать» чеховскую «Чайку». Спектакль можно считать «датским» — он поставлен к будущему 75-летию юбилею театра, который собираются отметить в конце ноября. Юбилейный вечер пока имеет рабочее название «Наш паровоз, вперед лети...» и будет представлять собой капустник-ревю, в котором уместится вся легендарная история бывшего Театра транспорта. Корреспондент «НГ» встретился с художественным руководителем театра, режиссером Сергеем Яшиным.

Павел Руднев

- В КОНЦЕ лета ваш спектакль «История солдата» был показан на фестивале в Швейцарии. Гастроли были неслучайны...

— Чтобы рассказать, как мы попали в Швейцарию, нужно прежде всего поведать историю создания и нашего спектакля, и балета Игоря Стравинского и Шарля Рамю. Произведение было написано в 1917 году, когда Стравинский оказался вдали от Родины, запертый меж гор, без друзей, в швейцарском кантоне Во. Чтобы добыть средства к существованию, он задумал «Историю солдата» — балет, в котором можно было ориентироваться на небольшой состав оркестра и исполнителей. Спектаклик мог легко ездить по городам и селам Швейцарии и кормить его создателей. Либретто помог написать поэт и драматург Шарль Рамю — швейцарский Пушкин, — который увлеклся русской поэзией, фольклором. Это история о том, как Солдат продал свою душу, свою скрипку Черту — и в этом привычном русском сказочном сюжете можно найти и фаустовские мотивы, характерные для европейской литературы. Солдат, который все время стремится на Родину и туда не возвращается, — это сам Игорь Стравинский. В дневнике композитор признавался в том, что, кажется, он никогда не увидит Россию или увидит не такой, какой ее оставил.

«История солдата» непонятно кем должна быть исполняема. Для драматических артистов здесь слишком много пластики, для танцоров — много слов. В связи с этим «История солдата» до последнего времени, к сожалению, видела свет только в концертном исполнении. И в России, и в Швейцарии оркестр играл гениальную музыку Стравинского, а чтец-декламатор в промежутках между номерами рассказывал притчу от лица главного героя. Этот шедевр одинаково принадлежит и России, и Швейцарии, поэтому у швейцарского дирижера Валентайна Реймонда и возникла идея поставить

спектакль в России. Свидетельств нам помог театальный центр «Весь мир».

Фестиваль, куда был приглашен наш спектакль, проводится ежегодно при содействии Валентайна Реймонда недалеко от Невшателя, в горах, в местечке Сервье — это французская Швейцария. Фестиваль этот музыкальный, и он не предполагает участия в нем театральных спектаклей (поэтому для нас было сделано первое и, возможно, последнее исключение за десять лет его существования, причем играли мы спектакль три раза — за дирижерским пультом стоял сам Реймонд). Фестиваль называется «Сады музыки» — в Сервье множество садов и оранжерей, где разводят диковинные цветы. Наши спектакли, как и остальные мероприятия фестиваля, проходили в большом амбаре, где зимой хранят сено. И публика наслаждалась как искусством, так и запахом сена и видом шествующих неподалеку коров.

— В спектакле Солдата замечательно играет и танцует Иван Шибанов, которого вы «переманили» из новосибирского «Глобуса»...

— Свой грех признаю. Я сам начальник в своем театре, и у меня отбирали артистов, но все же считаю, что каждый актер имеет право сам распоряжаться своей судьбой. В своем решении я не был понят руководителем «Глобуса». Шибанов был популярным артистом в Новосибирске, держал весь репертуар. Я все хотел осуществить полудки именно потому, что редкостное понимание, которое установилось у нас в работе над спектаклем «Царствие земное» в «Глобусе», было уникальным в моей творческой практике. Сейчас Иван Шибанов играет в моем новом спектакле «Записная книжка Тригорина» роль Треплева.

— Расскажите об этой работе.

— Это сочинение Теннесси Уильямса, в котором писатель пытается прочесть Чехова, которого обожал всю жизнь. Уильямс в конце жизни, за два года до трагической гибели, взялся донести до англоязычного зрителя подлинный смысл «Чайки», который, как казалось писателю, искажен неточностями во всех переводах че-

Сергей Яшин.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)

ховской поэзии на английский язык. Он ничего не придумывает за Чехова, только пытается идти вглубь, раскрывать скобки, подтексты, «взрывать» то, о чем Чехов «писал шепотом» (это цитата из дневника Уильямса). Поэтому спектаклю предшествовала сложная текстологическая подготовка — там, где Уильямс переводит Чехова, звучит русский оригинал, а где Уильямс развивает мысль Чехова, важно сохранить уникальный стиль диалога двух писателей. Когда мы репетировали, на моем режиссерском столике лежали две пьесы.

Вся жизнь Уильямса связана с постижением русской литературы. Когда он заработал в мастерской своего отца нервный криз, его отправили в Мемфис к дедушке, и там из местного колледжа молодому Теннесси принесли книжку — это был томик рассказов и пьес Чехова. И юноша рыдал, потому что нашел в Треплеве столько личного... Уже к тому времени он активно писал, сочинял. В зрелом возрасте Уильямс начинает олицетворять себя с Тригоринным, а под конец жизни — с Дорном.

— Вы проводите много времени в театре?

— Сажу целыми днями. Я сажусь с листками, с пьесой — анализирую то, что было сегодня и что будет завтра. На вдохновение не уповаю. Работа эта нужна только для меня, без нее я чувствую себя дискомфортно. Наше дело костер разложить правильно, а огонь ударит с неба.

— В прошлом сезоне вы поставили пьесу словацкого драматурга Освальда Заградника «Долетим до Милана», который был очень популярен в СССР благодаря пьесе «Соло для часов с боем», шедшей в Ху-

дожественном театре. Как нынче живет драматург?

— Очень трудно. Он пенсионер, подрабатывает на радио, пишет сценарии для сериалов. Когда-то его пьесы шли и на родине, и на Западе, и в России, где он считался культовым. Сегодня, кажется, ему мстят как бывшему «советскому». Ни одна его пьеса в Словакии не идет, хотя он остался таким же трогательным писателем, как раньше, по-прежнему улавливает все то, что сейчас зрителю нужно, что его беспокоит. Пока не прошло время «реабилитации» Заградника в Словакии — он им сейчас как бы не нужен. Его сознательно не видят, не ставят, не слышат. Национальная культура ослепла от ненависти к этому человеку. После московской премьеры он был растроган до слез, здесь он снова был услышан. Он плакал от того, что нам от него ничего не нужно.

— Спектакль, наверное, невозможно сегодня показать в Словакии?

— Переговоры не очень активны, но ведутся. На спектакле был Михаил Швыдкой, был словацкий посол в России и даже — почти специально на нашу премьеру — приезжал министр культуры Словакии. Правда, одна высокопоставленная дама открыла мне правду: «Вы уже поняли, что в Словакии не очень хотят, чтобы спектакль был показан в Братиславе? Скажут: привезли из России пьесу о том, как плохо живется словакам. Сами бы разобрались со своей страной». Нам трудно просчитать словацкую реакцию. Может быть, кто-то подумает, что если Заградник едет из России, то к ним возвращается Советский Союз.